

Веки были слишком тяжёлыми.

— У... м.

Тело определённо было раздавлено в клочья глыбой камня. Ниже шеи всё онемело. Дыхание точно было, тело двигалось, но было настолько вялым, что пошевелиться не мог.

Он насильно собрал сознание, которое продолжало рассеиваться, как сухие песчинки. Рот пересох, а горло болело.

— Во... ды.

Послышалось приближение присутствия. Не в силах полностью открыть глаза, Эллиот, как человек с тяжёлой простудой, с чужой поддержкой поднял верхнюю часть тела. К губам прикоснулась холодная вода.

Глоток, глоток.

Он очень сладко пил свежую воду. В противоположность жару, остававшемуся в горле и голове, конечности знобило. Он насильно пошевелил онемевшими ногами. Ощущение ткани, обвивавшей голые ноги, было незнакомым.

— Кото... рый час?

— Скоро полночь.

Отвечавший голос был крайне незнаком. Это была не Бетси и не Кобс. Нет, Кобс ещё не вернулся в Найтстон. Мозг, словно камень, окаменевший и покрывшийся мхом за одну ночь, медленно начал вращаться.

— Где... это?

Незнакомое ощущение кровати. Неприятный мужской голос. Совершенно обессиленное обнажённое тело. На мгновение Эллиот вспомнил, где он и что делал.

Вскочил.

По крайней мере, он хотел вскочить. Если бы полностью расслабленные мышцы выполнили приказ хозяина, он бы сразу спрыгнул с кровати на пол. Но обленившееся тело лишь один раз шевельнулось.

— Встать сейчас - перебор. Эффект опиума ещё не прошёл.

— О... пиум...

Только услышав неприятное объяснение, Эллиот осознал причину нынешнего состояния. Осознание одновременно принесло мучительную головную боль.

— Проклятье... голова раскалывается.

Тот снова протянул стакан с водой. Горло и так сильно пересохло, поэтому Эллиот послушно принял стакан. Из-за дрожащих рук капли воды разбрызгивались вокруг.

— Раз полуобнажённым устроил такой бедлам, неудивительно, что простудился.

— Бедлам?

— Не помнишь? Как безумец три раза подряд кончил, потом хрипел, втирая масло в бёдра и ягодицы. Хотел отрезать яички, потому что они мешали давить на промежность, я остановил, вырубив тебя одним ударом.

Он поперхнулся водой и выплюнул. Рот остался открытым, застыв.

— Чушь... собачья.

— Левая щека.

Артур указательным пальцем правой руки постучал по своей щеке. Рефлекторно последовав примеру, он поднял кончики пальцев и пощупал область левой скулы. Когда притупившиеся кончики пальцев коснулись, заныло. Кожа была слегка припухшей – определённо опухла.

— Полностью ненормальным был.

— Это из-за опиума, который ты насильно заставил выпить!

— Всего-то один раз три капли?

Артур откровенно насмеялся.

— Обычно просто становится хорошо и быстро засыпаешь. Раз так безумно метался, значит, обычно вынашивал отвратительные желания. Грязным и мерзким был не я, а ты.

— Ложь...

Кровь отхлынула от лица. Пытаясь поставить стакан с оставшейся наполовину водой на прикроватный столик, он промахнулся.

Дзынь.

Эмалированный стакан покатился по полу. Когда вода намочила ковёр, постеленный под кроватью, Артур нахмурился. Эллиот барахтался, пытаясь выбраться с кровати. После довольно больших усилий ему удалось скатиться вниз с кровати. Ноги подкашивались.

— Что делаешь?

— Уезжаю. Не хочу оставаться ни секунды дольше в этом проклятом Замке Терновника.

— Я не дам тебе экипаж или кучера.

— Мою лошадь. Поеду на моей лошади.

Схватившись за столбик кровати, он с трудом выпрямил дрожащие ноги. Рубашка спустилась вниз и задела гениталии. Настолько жгло, что дыхание перехватило. Стиснув зубы, он застонал.

— Раз так тёр и сжимал, что содрал кожу, неудивительно, что болит. В таком состоянии умудриться верхом на лошади поехать.

Он насильно проглотил грубую ругань, готовую сорваться с губ. Ходить тоже было невозможно.

Не сделав ни шага, Эллиот снова сел на кровать задом. Хотя меньше, чем пенис, но ягодицы тоже жгло одинаково.

— Это ещё только потому, что я вытер влажным полотенцем. Где ещё есть сумасшедший ублюдок, который на мастурбацию использует целую бутылку травяного масла.

Он постарался игнорировать часть про вытирание влажным полотенцем. Отводя взгляд, скривил губы.

— Говоришь тот, кто держит подобную зверскую вещь.

— Как бы то ни было, из-за тебя весь настрой улетучился. Одолжу кровать, так что отдохни несколько дней и уезжай. В таком виде, будь то экипаж или лошадь, попробуешь сесть – вкусишь ад.

— Очень любезно. Если собираешься получить от меня слова благодарности, можешь забыть. Стал таким, расплачиваясь за эту проклятую цену.

На эти слова Артур покосился.

— Что-то ты, кажется, путаешь – ты не заплатил как следует. Всё, что было – ты сам наслаждался. Мне же пришлось за тобой ухаживать.

— Что? Я так унижительно делал всё, что ты требовал, и этого недостаточно?

— Хорошенькая головка, похоже, правда только украшение. Вспомни нашу сделку. Я сказал, что трахну тебя. А я хоть пальцем к тебе прикоснулся?

— Это...

Слова застряли в горле.

— У меня нет ни малейшего желания пытаться засовывать член в тугую щель неопытного мужчины. Не хочу совокупляться с возбуждённым, мечущимся зверем. Так что подожду, пока ты не станешь развратным, как *prima donna* публичного дома, и не будешь готов принять меня.

(Примечание: *prima donna* – примадонна (итал.)).

— Грязная свинья!

Дрожащими руками он схватил подушку и швырнул в того типа. Но сил не хватило, и подушка упала на край кровати.

— Отдыхай. Утро в Торнхилле раннее, так что если сейчас ляжешь спать, сможешь хоть несколько часов сомкнуть глаза.

— В этом логове дьявола спокойно отдыхать? Требуешь невозможного.

— Тогда проведи ночь с открытыми глазами. Я пойду спать.

Тяжёлые шторы уже были задёрнуты. Артур взял лампу, стоявшую на столике.

— В Найтстон я заранее передал, что ты пробудешь здесь несколько дней.

Неприятная любезность продолжалась до конца. Вытащив кинжал, воткнувший в дверь, Артур снова, скривив губы, посмотрел на Эллиота, дрожавшего от унижения.

Когда он с лампой вышел из комнаты, вокруг стало совсем темно.

— Проклятье! Проклятье!

Ударяя кулаком по кровати, он выкрикивал ругательства.

— Грязный ублюдок. Обязательно убью тебя.

Оставшись один, он дал волю сдерживаемой обиде. Глаза сразу нагрелись. Потирая ладонями оба глаза, он зарылся лицом в подушку и дрожал. Когда умерли родители, когда увидел незнакомое лицо дяди, у которого внезапно пришлось жить, когда высокомерный приёмный сын дяди презирал его – даже тогда не было настолько жалко и горько.

— Сукин сын. Гори в аду.

Холодные слёзы потекли и впитались в разорванное на куски сердце. Самоуважение разбито вдребезги, а гордая мужественность валялась в грязи.

Но это было только начало. Ради благополучия любимой Лилибет Эллиот должен был впредь терпеть унижения худшие смерти. И всё это от рук ненавистного Артура.

Настроение было таким, что хотелось провести ночь с открытыми глазами, изливая обиду и придумывая, как отомстить этому проклятому ублюдку-бастарду. Но измождённое тело не смогло отказаться от бога сна.

Когда снова открыл глаза, усталость заметно прошла. Промежность всё ещё жгло, и в теле не было сил, но по крайней мере ощущения в разбитых на куски конечностях вернулись.

Сквозь закрытые шторы просачивался слабый свет. Судя по белому цвету, солнце взошло уже давно. Но комната, где находился Эллиот, была такой же тихой и спокойной, как когда он засыпал.

— Говорил, что утро в Торнхилле раннее.

Хоть это и неподходящие слова для того, кто сам спал, но, думая о хозяине Торнхилла, который на каждом шагу плёл ложь и лицемерие, саркастические слова вылетели сами собой.

Не успел выругаться, как послышался стук. Вид, будто соблюдает приличия, был ещё более отвратителен. Хотя разрешения войти не давал, тот не обратил внимания. Так и должен поступать Артур "проклятый" Рентон. Ах, или теперь Гласстон?

— Наконец проснулся. Лентяй.

— Больным можно долго спать.

Артур поставил принесённый большой поднос с серебряной крышкой на стол в комнате. Затем подошёл к ближайшему окну и резко отдернул тяжёлую штору.

— Глазам больно смотреть.

Когда внезапно хлынул свет, глазные яблоки заныли. Заслоня свет рукой и морщась, он

услышал, как Артур тихо насмешливо фыркнул. В любом случае невыносимый ублюдок.

— Суп и хлеб, а также яичное блюдо с сахаром. Прошу воздержаться от ребяческих выходок вроде того, чтобы обидевшись, как маленький ребёнок, голодать до смерти из-за самолюбия.

— Вот уж кто здесь ребячливый.

Услышав огрызание, но не ответив ничего, Артур указал на поднос. При этом из кармана жилета достал плоскую коробочку размером с ладонь.

— Мазь. Сам сможешь нанести?

— Очень, значит, благодарен. Так тронут, что слёзы навернулись.

Когда он саркастически ответил, Артур с похожим на Эллиота выражением скривил губы.

— Безмерно развратный сумасшедший сам испортил свой член, а я боюсь, что ты свалишь вину на меня, так что не стоит так благодарить.

Щёки и уши нагрелись.

— Заткнись и убирайся.

Устав от ребяческой перепалки, он схватил подушку и бросил. На этот раз она правильно полетела и коснулась груди того типа.

Тык.

Легко поймав, Артур с той же скоростью швырнул её обратно Эллиоту.

Бах.

От грубого обращения наволочка, кажется, испортилась, и несколько белых перьев торчали наружу.

— Если портишь вещи, буду тщательно выставлять счёт. Включая стоимость еды и лекарств.

Уголки губ того типа были приподняты, словно ему было весело. В глазах мелькало озорство. Эллиот ещё больше взбесился.

— Грязный скряга.

— Это значит сиди смиренно.

Вражда становилась всё серьёзнее. Действия, которые для посторонних могли бы показаться приятными, между ними были лишь издёвками. Эллиот всё ещё не оправился от ужасных последствий прошлой ночи. Трус, вдоволь поиздевавшийся дьявольским языком, как косой, над временно ослабленным противником, вскоре исчез.

Не хотелось брать ничего, предоставленного Торнхиллом. Но он уже всю пользовался постелью того типа. От еды не будет проклятия, как у жены владыки подземного царства из мифов, которая останется здесь навсегда.

Медленно спустившись с кровати, он подошёл к столику. Промежность всё ещё жгло. Но не

настолько, чтобы не мог двигаться, как прошлой ночью.

Когда открыл серебряную крышку, поднялся пар. От свежеприготовленной еды чувствовалось тепло. От супа, сваренного из хорошего молока, сыра и мяса, шёл вкусный аромат, хлеб выглядел мягким. Яйца тоже были очень правильно приготовлены.

— Сахар посыпать.

На яйца обычно посыпают перец или соль. Иногда кладут джем или травы. Но в семье Дейлов посыпали сахар.

В очень раннем детстве, когда Эллиот был младенцем со слабым желудком, после того как съел испорченный мармелад и его вырвало, было время, когда он не мог есть джем – тогда мать готовила это необычное блюдо. После того как выздоровел и мог свободно есть джем, иногда всё же посыпал сахаром. Когда внезапно становилось тоскливо или почему-то знобило.

— Когда высмеивал за странный вкус – за то, что посыпал яйца сахаром.

Всплыло забытое незначительное воспоминание. Когда он зачерпнул полную ложку сахара и положил на яичное блюдо, сидевший напротив тот тип сделал вид, что его тошнит. Только губами сказал, что как младенец, ещё не отлучённый от груди, при этом гордо посыпал своё яичное блюдо чёрным перцем.

— Способы выводить из себя тоже разнообразны.

Хотя прекрасно понимал, что сама реакция – это унижение, провокация, словно колющая иголкой между пальцами ног, была настолько раздражающей, что его передёрнуло.

Со вчерашнего вечера голодал. Был очень голоден. Отказ от еды был неправильным. Если не есть, не хватит сил придумать способ дать отпор этому проклятому ублюдку.

Сев на стул, Эллиот с готовностью съел приготовленную еду. Использовал и мазь, которую оставил Артур. От мази, по консистенции похожей на застывший очищенный китовый жир, исходил лёгкий запах лекарства.

Поскольку всё ещё был только в рубашке, достаточно было поставить одну ногу на стул, чтобы низ широко открылся.

— Чёрт возьми.

Из-за этого проклятого извращенца приходится даже мазать мазью необычные места. Хотя был один, поднялось чувство стыда, и он крепко закусил губу. Зачерпнул щедро и обильно нанёс от ануса до пениса. Довольно сильно жгло, но и слишком осторожно мазать тоже было неловко.

Из-за густой мази он невольно ковылял при ходьбе. Продолжать лежать в постели тоже было душно, да и в ситуации, когда не мог надеть штаны, выйти наружу было невозможно. Эллиот естественным образом направился к окну.